

UDC 913.1/913.8

Revisiting Linguistic and Topographical Principles of Russia's Mapping in the XVIIIth Century: Critical Overview of Documents

Alexander V. Dmitrijev

National Research University "St. Petersburg State Polytechnical University", Russian Federation
Polytechnicheskaya, 29, Saint Petersburg, 195251
PhD (linguistics), Assistant Professor
E-mail: avd84@rambler.ru

Abstract. The article is aimed at presenting a critical overview of the XVIIIth century documents stored in Archives of RAS (ff. 3 and 20 – manuscripts by Lomonosov) and RSAAD (f. 248 – documents of the Senate). This period is rich in the documental base; methodological views by V.N. Tatitshev and M.V. Lomonosov are the core of the article. The analyzed sources are divided into three groups: enactments on the issues relating to mapping, geodesy and frontier surveying; civil letters; authorial instructions. The choice of sources is caused by both their capacity to be unexceptionable material in the course of reconstructing historic and cultural landscapes and by the fact that they concern, firstly, requirements for writing place-names on Russian maps, and secondly, gathering techniques of place-names. It is of vital importance to deduce how the attitude of surveyors, geodesists and scholars in general towards the problem of gathering and processing geographical names changed during fledging years of Russian cartography.

The article concludes that the Geographical Department of the Russian Empire (having been responsible for all the geodesic and surveying procedures at that time) didn't manage to solve the problem of developing commonly used principles of writing place-names on maps, and in fact delegated complete control over it to map-makers. This yielded, as a result, to the "free will" in marking place-names onto maps. The latter in its turn caused the occurrence of multiple linguistic mistakes on Russian maps of the XVIIIth century. It became a reason for reexamination of the whole cartographical perspective later, in the XIXth century. However the problem of place-names standardization has become the real focus of scientific research only since late 1930s.

Keywords: linguistic and topographical principles; place-names; mapping; gathering and processing geographical names.

Введение. Данная статья является продолжением наших работ в области исторической географии и картографической топонимики. Многие аспекты касательно лингвистического наполнения исторических карт уже были прежде нами рассмотрены [1].

Целью данной статьи является критический обзор содержания документов, касающихся, во-первых, требований к написанию названий на русских географических картах, во-вторых, техники сбора географических названий.

Материалы и методы. Привлекаются документы XVIII века, с оригиналами которых мы работали в Архиве РАН (фф. 3 и 20 – рукописи Ломоносова) и РГАДА (ф. 248 – документы Сената). Представляется важным проследить, как изменялось отношение топографов, геодезистов и ученых вообще к проблеме сбора и обработки географических названий.

Исследованием отечественных картографических инструкций и предписаний занималось не так много историков и географов, однако до сегодняшнего дня эти материалы не были предметом отдельного лингвистического изучения со стороны топонимистов. Поэтому в данной работе мы предлагаем посмотреть на эти документы именно под лингвистическим углом зрения.

Основной метод, используемый в работе, диахронический, который предполагает в лингвистических исследованиях сравнительное изучение конкретных языковых фактов с опорой на исторические документы. В нашем случае единицей анализа является топонимическая нормализация.

Обсуждение. Начиная с петровских времен и до середины 1730-х годов, большинство карт было графическим изложением съемочных журналов, которые составлялись геодезистами в поле. Картографирование начиналось с текстовых описаний местности, которые затем в камеральных условиях переводились в картографическое изображение [2].

Кроме того, первые петровские геодезисты не имели специальных инструкций по записи названий и поступали так же, как и их предшественники – составители чертежей: записывали названия в соответствии с живым употреблением их в то время и с сохранением диалектных особенностей. Это, в свою очередь, делает невозможным создание целостной картины методики сбора и транскрипции географических названий в прошлом.

Для первых правительственных картографических инструкций 1720-х годов характерна особая лаконичность. Фактически в них речь идет только о предписаниях по нанесению объектов на карты, а не их орфографическому оформлению. Это такие документы, как Генеральный регламент 1720 года

[3], «Пункты каким образом сочинять ландкарту» 1721 года [4], правительственный указ «О распределении Геодезистов по Губерниям и Провинциям для сочинения ландкарт» 1728 года [5].

В «Реэстре, что при сочинении в пополнку описывать и примечать надлежит, то чего в присланных ландкартах не находится», составленном И.К. Кириловым в 1723 году, говорится уже о подробном полевом сборе макро- и микрообъектов, однако о рекомендациях к написанию топонимов на картах снова ни слова [6]. Следует отметить, что в «Реэстре» появляется важное новшество, придуманное И.К. Кириловым и ставшее в будущем основой для полевой топонимической работы XVIII века, – каталоги географических объектов, прилагаемые в алфавитном порядке к полевым журналам геодезистов. Фрагмент одного такого журнала опубликован в [6].

Остановимся подробнее на руководстве А. Клешина «География и геодезия следуют каким образом начать описывать которое нибудь государство или губернию или какую нибудь часть света всяких там лежащих мест». Несмотря на то, что и оно, к сожалению, не дает нам никакой информации о том, как именно надлежало геодезисту записывать названия, в данном руководстве впервые приведена развернутая методика сбора географических названий (ее-то как раз и взял В.Н. Татищев на вооружение): «...будучи в том же городе спрашивать надлежит о озерах, где оные есть и каким которое звание и близ которых деревень лежат... и есть ли на оных острова и оные вносить в ландкарту. Потом спрашивать о реках, которой какое звание и откуда течет, которая из озера или в озеро, или из болота, сиречь где начало и конец той реки имеют быть, и под которые деревни течет; также и о прочих местах спрашивать, откуда вытекли и где впали в озеро или в реку, которая течет. А потом спрашивать надлежит о болотах, о горах, о лесах и о степях и о дорогах; и все вышеупомянутое вносить в ландкарту и иметь в журналах; также описывать мельницы и в картах означивать. Еще – же описывать и вносить в ландкарту – города, села, деревни, которые ныне пусты, и как тем звание. В ландкартах – же назначивать – города, села, деревни, мельницы» [7].

Итак, в руководстве А. Клешина рекомендуется следующий порядок опроса местных жителей. Сначала геодезист расспрашивал об озерах, их расположении относительно деревень. Затем он переходил к рекам: выяснял их истоки и устья, через какие деревни протекают и какие более мелкие водные объекты в эти реки впадают. После этого речь заходила о болотах, горах, лесах, степях, дорогах и мельницах. Диалог геодезиста и местного жителя завершался расспросами об исчезнувших городах, селах и деревнях. Иными словами, полевой опрос геодезист начинал с выяснения гидронимов как наиболее устойчивых урочищ и только потом переходил к установлению других типов объектов.

В 1737 году после смерти И.К. Кирилова совершенствование российской картографии было возложено на В.Н. Татищева. Свою картографическую деятельность В.Н. Татищев начал еще в 1719 году и предложил рекомендации «како ландкарты или чертежи земель сочинять со объявлением угодий, то есть пашни, лесов, рек, озер, болот и мест песчаных» [8].

В.Н. Татищев первым высказал идею установления происхождения географического названия в процессе полевых работ. Так, в одном его «Наказе» от 1739 года предписывалось «выбрать села и деревни» и установить, «от чего звание свое производят по реке ль или по какому случаю» [9].

Следуя традиции А. Клешина, В.Н. Татищев требовал составлять к каждой карте алфавитные списки населенных пунктов, которые мыслились им как историко-географические словари-справочники.

Наиболее яркие, новые для того времени лингвистические идеи прозвучали в инструкционной анкете «Предложение о сочинении истории и географии российской», составленной В.Н. Татищевым в 1737 году и состоящей из 198 пунктов. Для диалектолога и топонимиста наибольший интерес могут представлять наставления, данные В.Н. Татищевым в 198 пункте анкеты и касающиеся «обсче паки до всех народов». Эти рекомендации можно было бы применить и к сбору географических названий, поскольку, как следует из самой анкеты, «сие нужно, чтоб те, колико возможно, в географии и сочинении ландкарт научены были» [10]:

«198. Наипаче всего нужно каждого народа язык знать, дабы чрез то знать, коего они отродья суть, но в языке надобно смотреть:

1. Слова такие, которые не легко переменяются...

2. При записывании их (слов вообще – А.Д.) надлежит внятно выслушивать, чтоб одну букву за другую не положить, как и русские не искусные не токмо в речении, но и в письме часто *a* за *o*, *b* за *n*, *v* за *f*, *d* за *m*, *z* за *c*, *k* за *x*, или обратно одно за другое пишут: *хлеп*, *хфала*, *горот*, *вос*, *x камисару*, вместо: *хлеб*, *хвала*, *город*, *воз*, *k камисару*, в котором знающий грамматику никогда не погрешит, ибо единственно: *град* множественно *грады*, а *граты* написать нельзя...

3. Нужно смотреть на ударение гласа, ибо: *будí* и *бúди* разное есть, первое есть *будить*, а другое от *был* происходит, и для того надлежит внятно выслушивать, неоднова спрашивать и по изречении силу налагать.

4. Притом же и то прилежно смотреть, чтоб сказывающий имел чистое и совершенно речение, ибо картавые, заиковатые и шепелеватые всех букв прямо выговорить не могут.

5. Некоторые народы имеют такое изречение, чего нашими буквами изобразить не можно, например у немцев и латинистов *h* легче нашего *g*, у горских есть подобное нашему *xg*, но еше легче и

для того нужно буквами изобразовать, но, чтоб разницу знать, над одною точку класть и особливо описать, что она точка значит, легче или жесточе выговаривать» [11].

Основная мысль, которая высказывается В.Н. Татищевым в 198 пункте этой анкеты, - это мысль о восприятии географом и геодезистом языка местного населения при картографировании территории. Поэтому данные наставления могли послужить хорошими рекомендациями для диалектологических разысканий, а стало быть, и для топонимических. Таким образом, можно заключить, что эту инструкцию В.Н. Татищева можно считать первым научным лингво-топографическим опросником.

В добавление к этой инструкционной анкете можно привести также «Правительствующему Сенату от таинного советника Татищева доношение» 1739 года. В 8 параграфе этого документа, между прочим, указывается, что «весьма нужно всех иноязычных подданных Российских народов разность и согласие языков знать, дабы их произношение познать и древность русскую изъяснить». С этой целью В. Н. Татищев «сочинил...начало краткого лексикона.., отдал в Академию, чтоб оный повелели, соверша, напечатать и с теми предложении в города разослать, чтоб в каждом обретающихся народов языки ко оному приписывать и к сочинению географии присылать» [12].

Как видно из трех документов, В.Н. Татищев первым из русских ученых усмотрел корень проблемы того времени – отсутствие должной лингвистической подготовки геодезистов и картографов. Однако, к сожалению, практически никто тогда не придавал значения всем этим чрезвычайно важным идеям В.Н. Татищева. Не удивительно, что после выхода в свет первого академического Атласа Российской Империи в 1745 году В.Н. Татищев подверг его критике, особо отметив топонимические ошибки, допущенные при составлении атласа: «многие знатные степи, горы, озера, реки имея довольно к тому места не подписаны», а «некоторые имена испорчены и неправо писаны» [13].

В 1758 году во главе Географического департамента встал М.В. Ломоносов, который внес серьезный вклад в развитие отечественных картографических идей. В частности, одним из самых важных аспектов он считал обеспечение картосоставительских работ точными научными данными, полученными в ходе полевых геодезических и топонимических работ. Поэтому в «Инструкции Географическому департаменту» 1757 года М.В. Ломоносов четко определил, что из карт должна быть исключена любая гипотетическая, не основанная на проверенных данных информация. Для этого Географический департамент должен был провести систематизацию источников картосоставления. С этой целью были созданы целые списки и краткие описания монастырей, городских и сельских церквей, собраны сведения о числе сел и деревень с показанием числа жителей. Статистические сведения нужны были М.В. Ломоносову для того, чтобы знать реальные размеры деревень [14].

Свои взгляды на проблему отбора объектов М.В. Ломоносов наглядно и убедительно выразил в своем сочинении «Краткое показание о происхождении Академического Географического департамента» 1763 года [15].

Те деревни, которые имели малые размеры и не влияли, как бы мы сейчас сказали, на опорный объектный каркас карты, можно было бы не наносить. Это и составляло суть новой картосоставительской концепции М.В. Ломоносова – картографической генерализации как в области нанесения географических объектов, так и в области написания названий для этих объектов. Следовательно, возникала возможность для работы только с релевантными топонимами, так как лишняя информация, засорявшая топографическую основу карты, заведомо исключалась.

В этой же работе («Краткое показание о происхождении Академического Географического департамента») М.В. Ломоносов критикует плохое знание языка топонимов иностранными географами, которое приводит к грубым топонимическим ошибкам: «Когда иностранные географы прошибаются в наших именах знатных мест, как то Jerislew, Cremelina, Dniper вместо Ярославль, Кремль, Днепр и пр., то позволено ли г. Шмиту прошибку сделать в наименовании чухонской деревни? Притом заподлинно известно, что Миллеру и Шмиту сей язык не так знаком, чтобы могли вступить о том в критические исследования» [16].

К слову сказать, М.В. Ломоносов возражал против присутствия в Географическом департаменте Г.Ф. Миллера, поскольку «для исправного наименования урочищ должен быть природный россиянин» [17].

Итак, топонимическим содержанием карты, по мнению М.В. Ломоносова, должен был заниматься тот, кто хорошо владел языком, на котором подписывал названия. Стало быть, и в поле геодезисту надлежало хорошо знать не только местность, но и языковую специфику народа, чтобы не допустить ошибок.

Особый интерес представляет «Мнение о употреблении нынешних ревизии в пользу географии российской и сочиняющегося новаго атласа» М. В. Ломоносова, высказанное им в 1764 году о том, каким должен быть будущий атлас России [18].

М.В. Ломоносов полагал, что для совершенствования российской картографии и искоренения ошибок, допущенных при составлении атласа 1745 года, необходимо:

- 1) «сочинить перечни числа душ во всяком селе и деревне;

2) означать, в коих селах и деревнях есть церкви, каменные ли, или деревянные, и как во имя, а где церковей нет, то означать, и каким оныя деревни принадлежат приходы;

3) показать, где какие самые ближние реки, или другие воды, на которую сторону и как далече от онаго места, по скаскам жителей;

4) ежели тут будет небольшая речка, то означать, в какую она именитую реку впадает, и при каком урочище;

5) на каком оное село, или деревня, стоит положении, на горе ли, или на низком песчаном луговом, или лесистом месте;

6) на большой ли стоит дороге, по которой из городов и каких именно проезжают, или на проселочной только;

7) как дальше отстоит от своего присутственного города, по общей скаске жителей» [19].

Мы рассмотрели фундаментальные положения картосоставительных концепций В.Н. Татищева и МВ. Ломоносова. Разберемся, возымели ли они должное действие при проведении крупномасштабных картографических работ в 1760–1770-е годы.

Так, в «Манифесте о генеральном размежевании земель во всей империи» от 19 сентября 1765 года есть всего одно предложение касательно нанесения (не написания!) топонимов: «Все земли межевать не к именам владельцев, а к именам сел и деревень, а пустоши к их собственным названиям» [20].

Поэтому в ходе межевания возникли весьма серьезные проблемы лингвистического характера: 1) помещик, а вслед за ним и землемер, должны были заняться установлением не только правильных границ владений, но и верных названий для этих владений – что было сложной задачей, поскольку 2) у землемеров в распоряжении были только документы XVI–XVII веков, в которых была масса названий, трудно узнаваемых в топонимах конца XVIII века, 3) да и в самой Чертежной межевой канцелярии делались не очень успешные попытки сличения старых названий XVI–XVII веков с названиями XVIII века – в силу отсутствия необходимого лингвистического опыта и знаний.

Фактически землемеры оказались в «топонимическом тупике», и необходимо было что-то решать.

Решение, хотя и довольно слабое, появилось год спустя, когда впервые в правительственном документе «Инструкции землемерам к генеральному всей империи нашей земель размежеванию» (1766) были даны некоторые указания относительно передачи названий на межевых планах: «Оказавшиеся при межевании пустоши, реки, ручьи и другие урочища под названиями неблагопристойными, в межевых книгах и на планах писать другими именами, составляя оные чрез прибавку или убавку литер в прежнем названии. О потребности таковой перемены землемеры должны представлять конторам, которые, учинив оную, должны сообщить с определений своих копий владельцам при выдаче им планов и межевых книг и при рассылке их в надлежащие присутственные места, дабы в потребном случае можно было видеть, какие урочища получили другие названия» [21].

Тем не менее правила были настолько плохо разработаны и скудны, что оказались не востребованными и нереализованными большинством картографов того времени.

В этой связи в 1768 году было опубликовано «Резюме постановлений Комиссии Академии Наук по Географическому департаменту Академии Наук», в котором были высказаны некоторые соображения по части передачи названий на картах [22]. Но и здесь не вышло без противоречий.

Так, в 6 пункте «Резюме» говорится о том, что геодезисты могут сами решать, как писать названия: «Понеже для всех карт не можно определить общих правил, то положено определение письмен, смотря по обстоятельствам мест, какие на ландкартах представлены, отдать на рассуждение самих сочинителей ландкарт» [23].

В 7 же пункте «Резюме» предписано часть названий (имена нарицательные, куда, видимо, относились географические термины) переводить, а часть (имена собственные, которые «самим иностранным уже известны») – транскрибировать, то есть оставлять «без всякого перевода, только чтоб вырезывать латинскими буквами». Во всех «сомнительных и других случаях, где что перевести должно», картографы должны были «совету требовать от тех, коим препоручен Географический департамент» [24].

Таким образом, в пункте 7 даются рекомендации к тому, как должно писать названия, а в пункте 6 – как можно писать названия («смотря по обстоятельствам»). В условиях таких двойственных и неоднозначных критериев геодезисту было весьма тяжело грамотно и объективно составить топонимический каркас карты.

Все это послужило дополнительным основанием для дальнейшего развития «топонимического произвола» на картах и распространения огромного количества ошибок.

Исходя из содержания пунктов 6 и 7, можно заключить, что к концу 1760-х годов в российской картографии назрело два вопроса: 1) по какому принципу следует передавать термины (апеллятивы) в структуре названий – перевод (без дублирования термина на другом языке) или транскрибирование (с дублированием термина на другом языке)? 2) что делать с содержательной частью топонима: переводить или транскрибировать?

Другой идеей, высказанной в «Резюме», стала идея шрифтового оформления топонимов, когда геодезистам предписывалось подражать в этом вопросе «новейшим французским ландкартам» и в каждой карте указывать, «каким письмом и какой величины имена вырезывать должно». С целью «чистаго и красивого вырезывания шрифтов» было поручено сделать для резной палаты «прописы всяким шрифтам и сообщить оные рещикам» [25].

Однако 30 марта 1770 года появился указ «Об означении красками на всех уездных и специальных планах: селений, межей, дорог и всей ситуации», в котором, между прочим, отмечалось следующее: «Звание селам, деревням и дорогам подписано столь худо, что с великою трудностью разобрать можно, так как и литеры Латинские, показующая смежество уездов, означены весьма же неясно» [26].

Получается, что снова, даже спустя два года, проблема осталась нерешенной. Что мешало геодезистам прислушаться к издаваемым Географическим департаментом инструкциям и предписаниям – не вполне ясно. Да и что мешало самому Географическому департаменту в свое время взять на вооружение советы В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова – тоже не совсем объяснимо.

Итог всем таким легковесным решениям внутри Географического департамента подвел Г.Ф. Миллер.

В своем «Отзыве... о географических и картографических работах Академии Наук» от 1779 года Г.Ф. Миллер охарактеризовал картографические работы Академии наук следующим образом: «Знатоки порицают тот факт, что названия на картах часто бывають написаны неверно, пропущены важные, приведены неважные, только занимающие место. Отчего это происходит? Я думаю, что Географическому департаменту передаются хорошие и правильные карты, но при копировке их вкрадываются ошибки, которые никто не дает себе труда исправлять путем внимательного сличения копий с оригиналами... Насколько важно, чтобы руководители Географического департамента обладали знанием настоящего правописания, можно видеть на примере г. г. Делиля и Винсгейма. Первый давал многим русским названиям французский характер, не считаясь ни с какими указаниями, а второй писал в своем Землеописании то Полтава, то Плотава, потому что нашел последнее название на какой-то иностранной карте» [27].

Вплоть до конца XVIII века отношение государства к важной проблеме написания названий на географических картах оставалось нейтральным. Конечно, нельзя сказать, что из-за этого практика составления карт ухудшилась. Государство все же предпринимало скудные попытки дать ход развитию идей, изложенных в Инструкции 1766 года. Например, с 1798 года губернским и уездным землемерам было предписано вести ведомости об изменении владельцев дачи и владений со времени генерального межевания. В ведомости учитывались, в частности изменения в названии урочищ и селений с указанием причины изменений, например, «произвол владельца» [28].

Заключение. В данной статье мы постарались осветить основные вехи работы в России над решением такой важной топонимической проблемы, как написание географических названий на картах. Мы не случайно выбрали именно XVIII век, поскольку в этот период шло становление и последующее активное развитие отечественной картографии. Этот период насыщен документальной базой; центральное место занимают методологические воззрения В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова.

Подводя общий итог, можно выделить следующее.

1. Являясь единственной в то время централизованной организацией, отвечавшей за все картосоставительные работы в России, Географический департамент так и не смог решить проблему разработки единых принципов написания топонимов на картах и практически все отдавали на откуп самим картографам, на их усмотрение. Стоит отметить, что, например, шведская картография – которую Петр I взял за образец для составления русских карт – уже к середине XVIII века имела четко разработанные принципы написания географических названий, и так называемый «топонимический произвол» практически отсутствовал [29].

Все возникшие ошибки удалось частично устранить только в первой трети XIX века, когда было создано Военно-топографическое Депо. Во второй половине XIX века в связи с составлением известной Специальной десятиверстной карты Российской Империи было принято весьма лаконичное решение: «В надписях держаться общепринятой орфографии». Эти слова можно было бы трактовать как некий итог в разрешении вопросов, касающихся подписей названий для объектов на картах XIX века, да и вообще всего картографического искусства России, начиная с Петра I.

Проблема же нормализации географических названий стала предметом научно-практического исследования только с конца 1930-х годов. Ведь именно в 1938 году было создано Главное управление геодезии и картографии (ГУГК) при СНК СССР, которое поставило главную цель – разработку точных языковых критериев написания географических объектов.

2. Советы профессиональных историков и лингвистов – В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова – оказались удивительным образом не востребованы не только большинством картографов того времени, но и самим Географическим департаментом. И это при том, что уже была сформирована языковая норма и были написаны известные грамматики русского языка В. Адодуровым, М. Ломоносовым, А. Барсовым, Г. Кургановым, а в 1802 году Императорской академией наук была издана первая академическая грамматика. Топонимические вопросы в российской картографии XVIII века остались нерешенными.

3. Все приведенные выше документы могут служить превосходным материалом в ходе реконструирования историко-топонимического ландшафта. Иными словами, картографические инструкции, письма, акты – это те же исторические документы для топонимиста, что и писцовые книги, карты, ревизии. Например, полевые журналы геодезистов могут прояснить многие неясные вопросы, в первую очередь, в микротопонимике: ведь помимо крупных объектов, геодезистам предписано было фиксировать и мелкие. Более того, сама структура полевого журнала (в виде таблицы) с указанием расстояний между населенными пунктами позволяет идентифицировать и локализовать объект на местности, определить его относительные координаты – а это уже возможность нанести (хоть и приближительно) на карту названия (особенно исчезнувшие) с привязкой к локусу.

Примечания:

1. Дмитриев А.В. Лингвистически ориентированный картографический компонент автоматизированной топонимической базы данных Ингерманландии: дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.21. СПб., 2010. 235 с.
2. Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989. 229 с.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Том 6 (1720–1722). СПб., 1830. №3534.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 248. Книга 1201. Лист 53.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Том 8 (1728–1732). СПб., 1830. №5320.
6. Фель С.Е. Картография России XVIII века. М., 1960. С. 90.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 248. Книга №1/1201. Дело 21.
8. Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989. С. 46.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 248. Описание 14. Дело 772. Лист 447-447 об.
10. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 78.
11. Татищев В.Н. Избранные... С. 94-95.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 248. Описание 14. Дело 772. Лист 447-447 об.
13. Свенске К. Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного императорскою академиею наук в 1745 г. СПб., 1866. С. 151-153.
14. Архив Российской Академии наук (Архив РАН). Фонд 3. Описание 1. Дело 219. Лист 159-162.
15. Архив Российской Академии наук (Архив РАН). Фонд 20. Описание 1. Дело 1. Лист 332-339.
16. Архив Российской Академии наук (Архив РАН). Фонд 20. Описание 1. Дело 1. Лист 335.
17. Поспелов Е.М. Топонимика и картография. М., 1971. С. 109.
18. Архив Российской Академии наук (Архив РАН). Фонд 3. Описание 10. Дело 44. Лист 1.
19. Архив Российской Академии наук... Лист 1.
20. Полное собрание законов Российской Империи. Том 17 (1765–1766). СПб., 1830. №12474.
21. Полное собрание законов... №12570.
22. Архив Российской Академии наук (Архив РАН). Фонд 3. Описание 10. Дело 23. Лист 2-5.
23. Архив Российской Академии наук... Лист 4.
24. Архив Российской Академии наук... Лист 4.
25. Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. Л., 1946. С. 206.
26. Полное собрание законов Российской Империи. Том 19 (1770–1774). СПб., 1830. №13440.
27. Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. Л., 1946. С. 228.
28. Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989. 229 с.
29. Åberg A. Läsning av gamla handstilar. Stockholm, 1950. 50 p.

References:

1. Dmitrijev A.V. Linguistic-based map component of database on Ingermanland place-names. PhD thesis: 10.02.21. Saint Petersburg, 2010. 235 p.
2. Postnikov A.V. The development of large-scale mapping in Russia. Moscow, 1989. 229 p.
3. The full collection of Russian Empire's laws. Vol. 6 (1720–1722). Saint Petersburg, 1830. №3534.
4. Russian State Archive of Ancient Documents (RSAAD). f. 248, b. 1201, p. 53.
5. The full collection of Russian Empire's laws. Vol. 8 (1728–1732). Saint Petersburg, 1830. №5320.
6. Fel S.E. Mapping of Russia in XVIII century. Moscow, 1960. P. 90.
7. Russian State Archive of Ancient Documents (RSAAD). f. 248, b. №1/1201, d. 21.
8. Postnikov A.V. The development of large-scale mapping in Russia. Moscow, 1989. P. 46.
9. Russian State Archive of Ancient Documents (RSAAD). f. 248, inv. 14, d. 772, p. 447-447 rev.
10. Tatitshev V.N. Selecta on Russian geography. Moscow, 1950. P. 78
11. Tatitshev V.N. Selecta... P. 94-95.
12. Russian State Archive of Ancient Documents (RSAAD). f. 248, inv. 14, d. 772, p. 447-447 rev.
13. Svenske K. Sources for compiling Atlas of Russian Empire published by Imperial Academy of sciences in 1745. Saitn Petersburg, 1866. 204 p.

14. Archive of Russian academy of sciences (Archive RAS). f. 3, inv. 1, d. 219, p. 159-162.
15. Archive of Russian academy of sciences (Archive RAS). f. 20, inv. 1, d. 1, p. 332-339.
16. Archive of Russian academy of sciences (Archive RAS). f. 20, inv. 1, d. 1, p. 335.
17. Pospelov E.M. Toponymy and mapping. Moscow, 1971. 256 p.
18. Archive of Russian academy of sciences (Archive RAS). f. 3, inv. 10, d. 44, p. 1.
19. Archive of Russian academy of sciences... P. 1.
20. The full collection of Russian Empire's laws. Vol. 17 (1765–1766). Saint Petersburg, 1830. №12474.
21. The full collection of Russian Empire's laws... №12570.
22. Archive of Russian academy of sciences (Archive RAS). f. 3, inv. 10, d. 23, p. 2-5.
23. Archive of Russian academy of sciences... P. 4.
24. Archive of Russian academy of sciences... P. 4.
25. Gnucheva V.F. Geographical department of Academy of sciences of XVIII century. Leningrad, 1946. 446 p.
26. The full collection of Russian Empire's laws. Vol. 19 (1770 - 1774). Saint Petersburg, 1830. №13440.
27. Gnucheva V.F. Geographical department of Academy of sciences of XVIII century. Leningrad, 1946. 446 p.
28. Postnikov A.V. The development of large-scale mapping in Russia. Moscow, 1989. 229 p.
29. Åberg A. Läsnings av gamla handstilar. Stockholm, 1950. 50 p.

УДК 913.1/913.8

К вопросу о лингво-топографических принципах составления российских карт в XVIII веке: критический обзор документов

Александр Владиславович Дмитриев

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Российская Федерация
192251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: avd84@rambler.ru

Аннотация. Цель статьи – представить критический обзор содержания русских документов XVIII века, хранящихся в Архиве РАН (фф. 3 и 20 – рукописи Ломоносова) и РГАДА (ф. 248 – документы Сената). Период насыщен документальной базой; центральное место занимают методологические воззрения В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова. Для анализа привлекаются три блока источников: законодательные акты по вопросам картографии, геодезии и межеванию; гражданские письма; авторские инструкции. Выбор источников обусловлен не только тем, что они могут служить превосходным материалом в ходе реконструирования историко-топонимического ландшафта территории, но также и тем, что они касаются, во-первых, требований к написанию названий на русских географических картах, во-вторых, техники сбора географических названий. Для нас представляется важным проследить, как изменялось отношение топографов, геодезистов и ученых вообще к проблеме сбора и обработки географических названий в период становления российской картографии.

В статье делается основной вывод о том, что Географический департамент Российской Империи (заведовавший в то время всеми геодезическими и топографическими работами) не решил проблему разработки единых принципов написания топонимов на картах и практически все отдал на откуп самим картографам, что породило, как результат, «топонимический произвол», а последнее, в свою очередь, стало причиной возникновения огромного числа лингвистических ошибок на русских картах XVIII века. Это и стало основанием для пересмотра всей картографической концепции позже – в XIX веке, однако сама проблема нормализации географических названий стала предметом научно-практического исследования только с конца 1930-х годов.

Ключевые слова: лингвистические и топографические принципы; топонимы; картография; сбор и обработка географических названий.